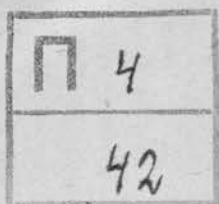

РСФСР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ

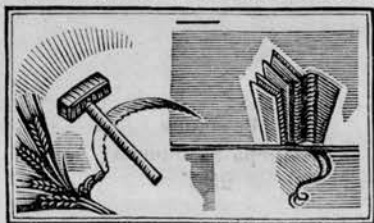
И

РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926.

Государственная
Публичная Библиотека
в Ленинграде

Редакция
номера закончена
25/V

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. Д. Благой. МИФ ПУШКИНА О ДЕКАБРИСТАХ 5
2. В. Гольцев. ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ БЛОКА 24 ✓
3. Я. Тугендхольд. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАН-
ЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ (с иллюстр.) 40

4. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

4. И. И. Гливенко. РАСКОЛЬНИКОВ И ДОСТОЕВСКИЙ 70

5. В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ.

5. Б. Арватов. ИСКУССТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТА 83

6—9. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

6. А. Лежнев. ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ 90
7. А. Курс. ЗАБЫТАЯ ДИРЕКТИВА 97
8. Федоров-Давыдов. ПО ВЫСТАВКАМ (с иллюстр.) 101
9. Е. Браудо. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ 112

10. Ю. Спасский. КРЕСТЬЯНСТВО В ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ 119

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

- I. Литература о Ленине и Ленинизме. И. Луппола, Д. Биленкина,
З. Мойровой 125
- II. Социализм и Коммунизм. М. Зеликмана, Б. Горева 129
- III. Вопросы текущей жизни. Ю. Спасского, М. Брагинского 132
- IV. Империализм и международная политика. М. Брагинского, Вл. Ви-
ленского-Сибирякова, А. Старикова 136
- V. Экономические науки и народное хозяйство. М. Зеликмана, Г. Бо-
рисова, Н. Баевского 140
- VI. История:
 - а) русская история: И. Макарова, Г. Гордона, М. Кле-
венского 144
 - б) история революционного движения на Западе: И. Бра-
славского, А. Дивильковского, Б. Горева 148
 - в) история революционного движения в России: В. Нев-
ского, Б. Козьмина, Р. Ковнатор, С. Пионтковского, Д. Сверч-
кова, Г. Валецкого, М. Клевенского, А. Дивильковского,
В. Гурко-Кряжина 153

VII. История культуры. В. Авдиева, П. Преображенского, Н. Щербакова	167
VIII. Философия и психология. С. Васильева, Г. Баммеля, И. Дуппола, М. Байча	171
IX. Науки об обществе и государстве. Г. Гордона, Л. Войтоловского, И. Ильинского	175
X. Литература о Востоке. В. Гаруна, Б. Пурецкого, Вл. Вилеского-Сибирякова	181
XI. Науки о природе. А. Тимирязева, С. Блажко, М. Гремяцкого, Н. Кольцова	187
XII. Теория и история литературы. Л. Войтоловского, В. Переверзева, М. Клебенского, К. Локса, М. Григорьева, Л. Гроссмана	193
XIII. Художественная литература:	
а) русская: Н. Асеева, М. Зенкевича, А. Палей, В. Гольцева, Н. Замоскина, В. Красильникова, С. Алякринского, Як. Бенни	201
б) иностранная: К. Локса, И. Анисимова, Н. Эйшилкиной, Ф. Магеровской, Б. Песиса, Л. Розенталя, Я. Зунделовича	212
XIV. Детская литература. М. Гершензона	221
XV. Искусства. Федорова-Давыдова, Л. Розенталя, А. Некрасова, М. Достоевского, Е. Браудо, Ан. Жардинье	223
42 иллюстрации в тексте.	

II. ЗАБЫТАЯ ДИРЕКТИВА.

А. Курс.

Подородные кризисов — писательских, журналистских, издательских — необычайно. Репортеры, волнуемые закатом своего искусства, собирают экстренные конференции, писатели адресуют докладные записки тем, кому ведать надлежит, и частные письма — лицам, не ведающим, но ответственным, поэты тихо вешаются, а профессиональные деятели усматривают причину всех этих зол в отсутствии общественной жилки у людей пера и гонора. Действительно, нехорошо: вместо культивирования общественной жилки выскрывать перочинным ножиком или стягивать случайной веревкой столь необходимые для беспрепятственного существования собственные жилы.

Конференции «прят», диспуты ставят вопросы и вскрывают болезни, профсоюз налаживает культработу и выявляет отсутствие у писателя письменного стола и ночлега, линия выпрямляется, директивы разрабатываются. Что дальше? Дальше — выходит еще одна газета, появления которой ожидают с волнением провинциалы, которым обещали повенький автобус, и все весело смеются, ибо последнее слово социальной связи оказалось развинченными дрожками; журналисты продолжают ходить на диспуты, чтобы услышать редакционные анекдоты с трибуны и рассказать литературную сплетню в кулуарах; перво-степенные поэты и беллетристы совершают ежедневные рейсы по всем существующим редакциям, начиная с «Красной Нови» и кончая газетой «Кино» — в поисках аванса в размере от 150 до 5 рублей; третьестепенные писатели и совсем не-писатели безудержно удобрят тесные страницы бесчисленных наших газет и журналов, издающихся для любимых редакторами широких масс; издатели, коим вверена культура печатного слова, ищут книг, которым заранее обеспечена «хорошая пресса» или заявки казенных учреждений, а также — переводчиков, согласных портить русский язык по 15 рублей с листа;

они же (коим вверена культура) пишут лицам, которые в некрологах будут именовать «гордостью современной поэзии», бумажки «со стихами просим не беспокоиться до 1 января следующего года»... Дальше что?

Дальше — редактора журналов жалуются на отсутствие талантливых произведений, руководители газет вопиют о безграмотности своих сотрудников; признанные писатели бросаются конкурировать с делопроизводителями и пятнадцатирублевыми переводчиками; еще не признанные, но прошедшие полный курс обучения в редакционно-издательских передних молодые писатели и поэты (противники самоповешения), «проводят» свои произведения через клубные аудитории и, получив, благодаря хорошей декламации, поощрительные резолюции, сдают в печать... не резолюции, а свои книжки... Что делать поэтам, страдающим легким занканием?.. И вот, растратив последнюю «жилку» (общественную), известные, но непризнаваемые редакторами и издательствами писатели, поэты высокой квалификации («читатель стихов не читает») — снова ищут выхода в докладных записках, обладающих тем спасительным свойством, что не угрожают издательствам накладными расходами.

В числе многих — есть два вопроса: проблема улучшения качества нашей прессы и писательская проблема. В этой статье я не берусь решать эти задачи во всей их сложности. Прошу лишь принять во внимание вышесказанное и разрешить мне указать на связь между вышеозначенными двумя вопросами. Осмеливаюсь также внести предложение приступить к их разрешению, в известной части, по совокупности набухающих в них противоречий. Переходя к дальнейшему изложению, считаю также необходимым, во избежание недоразумений, возникающих на диспутах в Доме Печати, установить свою приверженность тому взгляду, что черный, но здоровый хлеб лучше пирожного, начиненного

ядом, и что самая слабая наша газета лучше таковой же буржуазной. Не буду цитировать и резолюции о политике партии в художественной литературе, ибо целиком с нею согласен. Осенять же себя ею для того, чтобы — как это нередко делается — плесть выводы, с нею не вяжущиеся, не считаю пужным.

После формулы перехода — к делу.

Мы требуем от писателя общественной «жилки». Требовать можно, но «жилку» оперативным путем в писательскую психологию вшить нельзя, не то что — бичующими бечевками, но даже нежными шелковыми нитками. Сущность «жилки» такова, что она может развиваться не более неожиданно, чем бицепсы, которые, как известно, растут вследствие упражнений, определяемых необходимыми движениями.

Ни заботливыми циркулярами, ни попечением месткомов, ни (даже!) борьбой за снижение налогов на «свободную» писательскую профессию «жилки» не сочинишь. Индивидуалистические настрояния и божеский быт писателя вызываются не внутренними свойствами его ремесла, а тем положением, которое это ремесло занимает в нашей общественной и хозяйственной системе. Положение такое же, как и в буржуазном обществе, — «свободная профессия». И дело не только в этом, привычном для фининспектора, наименовании. Юридическая отмена этого подлого термина несколько не изменит, в экономическом смысле, писательского естества. Писатель был и остался кустарем-одиночкой, находящимся всецело во власти непонятной ему рыночной стихии, при чем рынок этот не организован хотя бы в виде ярмарки. Сработав свое изделие, беллетрист или поэт начинает искать потребителя (издателя), который, само собою разумеется, представляется ему врагом, а не другом. Не нужно долго доказывать, что именно такое положение кустаря делает его индивидуалистом, фетишистом своего товара и нигилистом-богемцем. Он не может стать общественником, раз его положение в общественном процессе такое шаткое, неуверенное, раз он подвержен всем «случайностям» самого неорганизованного из рынков — книжного. Он становится богем-

цем, не поддающимся организации и не умеющим организовать свою личную жизнь, ибо его труд неорганизован, «случаен», — он не знает, что будет с ним не только через год, но и завтра. Отсюда — и «легкость» жизни, приводящая к тому, что в момент острого конфликта со стихией «рынка», представление о котором в сознании писателя переносится на все общество, — ему «легко» бывает расстаться с жизнью.

Разумеется, не советская общественная система создала эти условия писательского труда. Она унаследовала их целиком от буржуазного уклада. Но и положительные стороны советского строя содержат в себе элемент, ухудшающий положение литературного кустаря на рынке. В буржуазных условиях писатель, выходя на рынок, имеет перед собою потребителей разного рода, с разными художественными вкусами, требованиями, взглядами. У него есть надежда, что если он не продаст одному, то у него купит другой. У нас стихийность писательского рынка сохранилась, но идеологический хозяин — один. Наш писатель на рынке противопоставлен «неведомой» воле *не разных хозяев, а разных приказчиков* одного хозяина. Это хуже. Потому что мы, приказчики нашего хозяина, рабочего класса и его партии, неумело осуществляем его распоряжения. Мы не сумели организовать книжный рынок, взять его в руки: наши издатели работают по линии наименьшего сопротивления, по линии казенного сбыта книги, по линии наиболее «ходкой» книги.

Предположим даже, что сбыт книги организован. А организован ли спрос? Говорят, что хороших стихов нельзя печатать. А пробовал ли кто-нибудь организовать спрос на хорошие стихи, найти покупателя в его местопребывании — в театре, в клубе, в завкоме, на дому?

Подойдем теперь к газетному вопросу.

Здесь, думаю, можно без излишней аргументации установить:

1. Отсутствие всякого литературного материала в газете (узаконенные стихи по случаю 1 мая, 8 марта, 7 ноября — не в счет).

2. Отсутствие (редкие исключения тоже не в счет) художественных коррес-

пондений, описывающих ход жизни в разных концах огромного нашего Союза.

3. Наличие слабо поставленных отделов «театра и кино».

4. Почти полное отсутствие рецензии о беллетристике.

5. Общее понижение качества газетного языка (говорю не о статьях отдельных журналистов, а о стиле всей газеты).

Газета есть организованное по индустриальному принципу предприятие. Если органическая работа в газете не в состоянии выработать в человеке психологии индустриального рабочего, то она во всяком случае способствует устранению чувства слепой зависимости от рыночной стихии, она втягивает человека в рабочий коллектив, она ограждает его от богомства в личной жизни регулярным заработком, а от социального богомства — связью с ведомым, неслучайным массовым читателем — и всем этим заставляет его упражнять имеющийся у него вялый бицепс общественности. У журналистов, мы знаем, упадочных настроений меньше, чем у писателей. Наоборот, последние диспуты и конференции говорят о пробуждении большой общественной активности. Постоянная, органическая работа писателя в газете — хорошее средство против индивидуалистических болезней.

Так как я замечаю улыбки на лицах уважаемых читателей, то перехожу к «конкретным предложениям».

У нас не так уже много нуждающихся в этом и заслуживающих этого писателей, чтобы их нельзя было привлечь для органической работы в газетах. Я думаю, что если писатель или поэт, пользующийся известностью, согласен пойти в советское учреждение на 80 рублей в месяц, то он окажется небесполезным в газете, которая может платить ему вдвое больше. Что он может делать в газете? Он может править материал (от чего газетный язык не пострадает), он может писать рецензии на книги, кино-рецензии и театральные рецензии. Он может поехать корреспондентом на Камчатку и рассказать нам о том, чего мы не знаем. Улучшатся ли от этого наши газеты? Нужно ли задавать такой вопрос? Литературное качество наших га-

зет нельзя улучшить, если не влить в жилы наших газетных аппаратов здоровую кровь словесного мастерства.

Предубеждение против писателей в газете сходно с боязнью литераторов в кинематографии. И здесь и там много народу, считающего себя «рожденным» для данного дела только потому, что во всяком другом он оказался выкидышем. Профессиональным интересам тут не грозит никакой опасности. Дело сведется только к тому, что прирост в журналистике будет совершаться не за счет людей, чуждых печатному слову, а за счет мастеров слова.

Дальше. Почему писателям и поэтам писать доклады и петиции, которые нигде не опубликовываются, если они могут писать романы, рассказы и стихи и печатать их в газетах?

Ах, что я сказал! Предо мною возникает потное лицо редактора, покрытое лаком неприкосновенной уверенности.

— Товарищ, в своем ли вы уклоне? Как мы можем печатать романы, рассказы и стихи, когда наши газеты издаются для широчайших масс? Подальше, пожалуйста, с вашими бульварными проектами. У нас нехватает места для необходимейшего материала, а вы предлагаете рассказы, романы и стихи... Да знаете ли вы, сколько у нас ежедневно остается в загоне *нужного* набора? Да вы знаете, что Ленин говорил — «газета это коллективный организатор, пропагандист и агитатор»...

— Знаю, слышал. Но позвольте и мне задать несколько вопросов. Почему мы должны ограничивать себя в газете только политической и промышленной пропагандой? Не пора ли нам, на данной стадии нашего хозяйственного развития, когда круг культурных потребностей у рабочего расширился, заняться в газете и художественной пропагандой, пропагандой художественных форм? Не будет ли беллетристика в газете иметь значение не только для художественного просвещения рабочих, но и для повышения общей культуры масс? Наконец, не послужит ли помещение в газетах беллетристики, включая и романы, средством привлечения к чтению газеты рабочих и жен рабочих, в настоящее время не очень много читающих?

— А для чего же тогда издаются книги и журналы?

— Книжки и журналы издаются для библиотек. Книжки и журналы читаются десятками тысяч, газеты читаются сотнями тысяч, пожалуй — миллионами. Они будут еще лучше и больше читаться, если в них будет беллетристика. Предположим, что роман «Цемент», имеющий сейчас большой успех — художественный документ эпохи. Он издан в 10.000 экземпляров. Сколько лет потребуется для того, чтобы его прочитали, не скажу — все грамотные рабочие, рабфак-овцы, студенты, — но хотя бы пятьсот тысяч коммунистов, которые узнали о качествах этого романа из «Правды»? А если бы он печатался в той же самой «Правде», его бы прочитало не меньше миллиона человек в течение полугода или в более короткий срок — я не подсчитывал числа знаков. Да и вообще можно ли сейчас говорить о существовании у нас журналов во множественном числе? У нас есть один журнал — «Советское Богатство», выходящий под разными названиями: «Красная Новь», «Новый Мир», «Молодая Гвардия», «Звезда»... Печатаются в них одни и те же писатели, одни и те же критики. И писатели все-таки жалуются, что негде печататься, редактора скорбят об отсутствии крупных произведений. И поэтому печатают в толстых журналах вещи, место которым уже несомненно и исключительно в газете. Почему деревенские очерки Акулишина, американские впечатления Маяковского и рассказ о ключах и глине Пильняка печатаются в «Красной Нови» и «Новом Мире», а не в «Правде» и «Известиях»? Чтобы их прочло меньше народу? Возрождая и поддерживая толстый журнал, — отжившую литературную форму, — мы не оказываем услуги ни новому читателю, ни писателю.

— Но я же вам еказал, что у нас места нехватает.

— Так, так. Значит, у вас уже нехватает места не только для стихов и романов, но и для несомненного, высокопробного газетного материала. Спорить трудно, конечно, и я даже не решаюсь доказывать вам, что при тщательной литературной обработке помещаемого ежедневно в газете материала (для этого

необходимо, чтобы в газетах *правильными* работали настоящие литераторы, *мастера слова*) можно, отвеев словесный сор, оставить в газете полновесное чистое зерно и съэкономить таким способом — ну, хотя бы 25 процентов места. Предположим, что этого достичь невозможно. Но ведь вы говорите, что у вас каждый день остается в загоне *нужный* материал. Раз все равно остается, то пусть неизбежный загон увеличится еще на энное количество строк. Что от этого изменится?

— Вы либо софистикой желаете заниматься, либо наших условий работы не знаете.

— Как же не знать? Знаю. Тогда да-вайте решать вопрос с точки зрения политической целесообразности. Культурнопросветительные задачи партии — это вопрос политический?

— Мм... Пожалуй...

— Ну, вот. Вопрос о беллетристике в газетах однажды уже поднимался в нашей партийной литературе и почему-то заглох. Была на эту тему статья в «Правде», в которой говорилось:

... И в каждой такой газете каждый день можно бы давать народу серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику, учебники общеобразовательные, учебники сельского хозяйства, учебники по промышленности. Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньги, издавать романы для народа не по 3½ франка в виде бареской книжечки, а по 10 сантимов (т.-е. в 35 раз дешевле, 4 копейки по довоенному курсу), в виде пролетарской газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким образом?

Мне неудобно дальше пользоваться диалогической формой, потому что это самый легкий способ разбить противника, за которого сам же и споришь. Вернемся к монологу.

Могут сказать, что это очень интересная постановка вопроса, что она была своевременна в 1921 г. при бумажном и общем хозяйственном кризисе, но что сейчас это не нужно, сейчас мы из-

даем массу книг и журналов и так далее, и тому подобное. Однако верно ли это? Нет. Думается даже, что если говорить не только о беллетристике, а обо всем том, что предлагается в вышеприведенной цитате, то надо считать постановку этого вопроса целиком правильной и для настоящего времени.

Что, кроме дефицита, дает нам издание так называемой массовой, популярной литературы? Сколько экземпляров разошлось среди рабочих и крестьянских масс тех книжек, которые недавно издавались в сотнях тысячах экземпляров, кажется, даже в миллионах? Не знаю точных цифр, но знаю — что немного. Почему в области массовой литературы нами ничего положительного не достигнуто по сей день? Потому, что в условиях настоящего времени, при дороговизне (в особенности в сравнении с покупательной способностью рабочего и крестьянина) книжной продукции, при недостаточном количестве библиотек, при неумении их (пока) обслуживать читателей, при неумении рабочего и работницы пользоваться библиотекой — *книжная форма (включая сюда и форму толстого журнала) есть самая недемократическая, буржуазная форма распределения литературных продуктов.* Она придает куль-

турному подъему масс черепаший темп. Совершенно обратное по темпу, по доступности, по количественному охвату представляет собою газетная форма. Вот почему можно говорить о необходимости, своевременности и правильности осуществления в настоящее время всего того, что предложено было в 1921 г. в «Правде».

Тогда вопрос поднимался в связи с бумажным кризисом. А сейчас у нас нет бумажного кризиса? Тогда говорилось о необходимости экономить издательские ресурсы. А сейчас нам не нужно экономить (Госиздат)? А сейчас мы не доэкономились до «Нашей Газеты»? Когда мы научимся поступать таким образом, чтоб придавать газетам необходимые нам формы и вливать в эти формы то, что нам нужно для осуществления культурной революции?

Р. С. Забыл объяснить, почему я назвал эту статью «Забытая директива». Вышеприведенная цитата взята мною из статьи «Коммунистическая печать в переходной период», напечатанной 7 февраля 1921 г. в Ц. О. нашей партии. Мы привыкли считать руководящие статьи «Правды» директивными. Статью написал Владимир Ильич Ленин.